

Стенограмма беседы Александра Агеева с Андреем Биневым в программе Радио России «Вольный слушатель»

М – «Вольный слушатель» с Андреем Биневым.

БИНЕВ: Здравствуйте, мои дорогие! Прежде всего позвольте поздравить вас с уже наступившим Новым годом и с Рождеством и пожелать вам всего-всего самого лучшего! К моим поздравлениям сейчас присоединится мой гость – это советский, российский экономист, ну так написано, во всяком случае, в Интернете, доктор экономических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук, член Союза писателей и Союза журналистов России Александр Иванович Агеев. Александр Иванович, здравствуйте!

АГЕЕВ: Здравствуйте!

БИНЕВ: Вы присоединяетесь к поздравлениям?

АГЕЕВ: Я искренне разделяю радость всех, кто торжествует от того, что и Новый год наступил, и с праздником светлым Рождества Христова.

БИНЕВ: Ну что ж, спасибо – говорю за себя и за «Вольного слушателя». А вольных слушателей у нас много, а я вот тут один, и, видите, я доволен вашим поздравлением. Можно я о вас немножко расскажу, как у нас принято обычно? Позволите?

АГЕЕВ: Вы – хозяин этой студии.

БИНЕВ: Спасибо. А вы – гость. То, что говорит гость, то и будет, хозяйева подчиняются гостям – во всяком случае, у нас так. Но спасибо вам за позволение. В 1984 году Александр Иванович Агеев окончил философский факультет МГУ, в 1987 году – аспирантуру Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, работал научным сотрудником Института экономики Академии наук СССР, а с 1991 по 1993 даже работал в Министерстве иностранных дел, потом в Министерстве внешнеэкономических связей, было такое министерство, был там начальником отдела, начальником главного управления и даже членом коллегии. С 1994 по 1996 год он был советником генерального директора и начальником службы стратегического анализа концерна МиГ, того самого МиГ, который выпускает знаменитые самолеты. С 1997 по 2000 год он – первый заместитель генерального директора государственного предприятия «Энергия» Минатома России. Окончил Академию народного хозяйства при правительстве России, т.е. получил второе высшее образование, а также и третье образование – Кингстонский университет в Великобритании. С 2000 года он генеральный директор Института экономических стратегий и Отделения общественных наук Российской академии наук и президент Международной Академии исследований будущего. Я повторю еще раз: президент Международной Академии исследований будущего. Вот как раз об этом мы с вами и будем сейчас слушать, что нам будет рассказывать профессор Александр Иванович Агеев. Одновременно с этим он был заведующим кафедры управления бизнес-проектами МИФИ, главным редактором журнала «Экономические стратегии» и журнала «Партнерство цивилизаций». Сооснователь и президент Русского

биографического института. Президент Клуба православных предпринимателей, директор Международного института Питирима Сорокина – Николая Кондратьева, член экспертного совета МЧС России, член координационного совета Российской академии наук по прогнозированию, как в старом анекдоте – вот пусть последний закроет дверь. Помните такое, когда перечисляли все регалии? Скажите, пожалуйста, все, что я сейчас нашим вольным слушателям о вас рассказал, – это соответствует действительности?

АГЕЕВ: Да, соответствует. Что-то устарело уже, но в целом здесь нет ни одного неверного слова.

БИНЕВ: Огромное количество трудов у вас – я их все даже не буду называть, потому что это стратегические исследования, это предпринимательство, и проблемы собственности культуры, и так далее. Вот я тут шелешу бумажками, потому что я их просто пытаюсь прочитать. Есть множество наград, более сорока государственных, научных и общественных наград и России, и Германии, и Казахстана, и США, и Италии, и Болгарии, и Китая, и Украины, и также нашей церкви православной. Если кто-то хочет отмечать его день рождения, это надо делать 12 июля, а родился наш российский ученый, о котором я сейчас говорил, профессор Александр Иванович Агеев, в 1962 году, при всем при этом у него, между прочим, трое сыновей. Когда вы успеваете заниматься всем тем, что я перечислил, имея, видимо, такую нагрузку и дома: ну как же, трое сыновей – это и будущее для каждого человека, это его дети, а не стратегические планы человечества через 80, 100 лет?

АГЕЕВ: Компромисс, конечно же, – с надеждой на терпение, на терпение близких, которые позволяют этим заниматься.

БИНЕВ: Александр Иванович, скажите, пожалуйста, тут написано, что вы основатель, сооснователь и президент Русского биографического института, – что это за институт?

АГЕЕВ: Этот институт возник глубокой осенью 1993 года, и мы основали его с известным русским писателем Святославом Рыбасом. Тогда выходила еще газета, позже журнал «Кто есть кто» – российский «Кто есть кто». Он был создан с целью изучения биографий, родословных российской элиты – во всех смыслах элиты: в политике, в экономике, тех людей, которые составляли гордость нашей истории. Институт, мне кажется, имеет очень славную историю: каждый год мы проводим награждение, церемонию «Человека года», работает экспертный совет, который смотрит, кто из наших соотечественников отличился на поприще ли госслужбы, или спорта, или медицины, искусства, культуры, деятельности, благотворительности и так далее. Мне кажется, это одна из самых эпохальных программ.

БИНЕВ: Хорошо, а вот о вас говорят как об основателе и директоре такого, как мне кажется, важнейшего для людей направления – Института стратегических исследований. А самое главное – это прогнозирование. Прогнозы какого рода прогноза составляет ваш институт?

АГЕЕВ: За два десятилетия истории объектами прогнозирования у нас оказались более ста стран и народов, более половины регионов российских, очень многие корпорации – большие, средние и малые – и даже многие люди, которые интересовались сценариями своей карьеры, деятельности, жизни, бизнеса и так далее. Если посчитать количество выполненных прогнозных разработок, работ в том или ином жанре, то конечно там зашкалит за две-три сотни.

БИНЕВ: Скажите, а какие требования у вас должны быть, скажем, к объекту прогнозирования? Вот что должно быть предоставлено, если, скажем, речь идет о человеке?

АГЕЕВ: Требование одно – чтобы объект был живой. Потому что тот, который умер, собственно говоря, немного интересного можно сказать о будущем, и там наступает уже епархия истории. А прогнозирование касается тех, кто живет, и тех, кто имеет право выбора. Право выбора имеет любой живой объект, который имеет собственную волю, который имеет свое целеполагание и стремится к чему-то. То есть имеет ценности, ради которых он живет, а соответственно – для прогнозирования, я подчеркну: именно сценарного, поскольку прогнозирование научное не занимается тем, что бы относилось к категории гадательных практик. Это не гадательные практики, хотя у них тоже есть своя очень долгая история. Научное прогнозирование рассматривает объект в настоящем, прошлом и будущем. Касательного будущего речь идет о том, что с ним произойдет, если случится некоторый набор событий или не случится. А реальный сценарий реальных событий уже зависит от воли человека, от его ценностей, его предпочтений, его способностей делать необходимый выбор или совершать подвиг. Подвиг – это то, что выходит за пределы предписанного, условно говоря. Как говорят, звезды располагают, но не предписывают. И в полной мере эту аксиому разделяет и научное прогнозирование. Соответственно, для того, чтобы сделать интересный и точный прогноз, необходимо – желательно – иметь историю. Для человека это его биография, и в этой биографии важно обнаружить хотя бы десяток-другой стратегически важных событий, тех переломных моментов, в которых человек принимал решения сам. Это могут быть повороты в карьере, это может быть смена места жительства, рождение детей, получение образования, разного рода травмы, смерть близких, подвиги и события. Ведь не все достижения человека отмечаются наградами государственными, не все провалы человека, которые можно назвать провалами, также отмечены какими-то черными списками. И если мы знаем такого рода поворотные события, то мы достаточно четко можем предвидеть, что с ним случится спустя некоторое время. Точность таких прогнозов бывает фантастическая. С точностью до дня.

БИНЕВ: Назовите хоть один пример.

АГЕЕВ: Для примера...

БИНЕВ: Хоть примерно.

АГЕЕВ: Нам было важно знать, как сложится судьба одного государственного деятеля...

БИНЕВ: То есть вы не хотите называть имена, фамилии?

АГЕЕВ: Это не принято. Как у докторов не принято называть фамилии пациентов, так и здесь...

БИНЕВ: То есть в любом случае этот вопрос я вам не задаю?

АГЕЕВ: Его можно задать, но я на него ответил ли?..

БИНЕВ: Но вы не сможете на него ответить, да?

АГЕЕВ: Я – да, не имею права на него отвечать.

БИНЕВ: Хорошо, я с вами согласен.

АГЕЕВ: Согласно этике футурологии...

БИНЕВ: Я с вами согласен, абсолютно поддерживаю эту позицию.

АГЕЕВ: И речь шла о том, чем он будет заниматься в ближайшей перспективе. И прогноз дал очень точную оценку, что в такую-то дату, плюс-минус день, спустя четыре месяца этот человек сменит карьеру государственного чиновника на иную, с точностью до дня он это сделал. О нашем прогнозе он понятия не имел и знать не знал.

БИНЕВ: Это единственный случай?

АГЕЕВ: Нет, не единственный. Есть и другие примеры, когда горизонты таких перемен могут быть более, скажем, широкие, допуски. Могу другой привести пример, и здесь уже назвать фамилию. Есть прогнозный доклад замечательного нашего современника, экономиста, тоже футуролога Дмитрия Митяева, который почти за год до финансового кризиса в августе 1998 года предсказал его все этапы развития и пиковые точки.

БИНЕВ: И он не ошибся?

АГЕЕВ: Он не ошибся. Опять же, здесь была точность буквально по дням. Этот прогноз имели многие банкиры, этот прогноз имело наше даже руководство правительства...

БИНЕВ: И решило? Посмотрело прогноз и сказало?..

АГЕЕВ: Прогноз сработал, да.

БИНЕВ: И сказало: «А почему бы не поступить именно так, как спрогнозировали?» Это очень удобно.

АГЕЕВ: Это вы сейчас обозначили одну из фундаментальных проблем футурологии – самозабывающийся прогноз. Потому что любое слово, любой поступок имеет, скажем так, квантовую силу в этой жизни, и поэтому прогнозисты так аккуратны с обозначением негативных сценариев. Мы неизбежно рассматриваем всю вилку, все развилки возможные, но, как правило, о сценариях позитивных говорим больше и подробнее, а сценарии негативные, если они и прописываются, то предельно лаконично. Потому что они обладают собственной силой и энергетикой.

БИНЕВ: Это понятно. Это что касается неких знаменательных и замечательных фигур, которые известны всем, которых вы знаете. Вы даже привели пример с событием, с кризисом 1997 года. А вот более общие прогнозы вы делаете? Скажем, прогноз развития той или иной страны? Меня, например, интересует прогноз развития России.

АГЕЕВ: Мы занимаемся регулярно этой работой и прогнозируем перспективы ста самых крупных стран мира. Это публикуем. У нас регулярно выходит доклад, называется «Глобальный рейтинг интегральной мощи ста стран мира». Он выходит на русском, на китайском, на английском языках и с международным коллективом экспертов, которые

занимаются оценкой и прогнозированием, мы предвидим будущую динамику мощи совокупной силы ста стран мира, включая, конечно же, Россию. Из них по 30 примерно странам мы провели особо тщательные исследования с очень большой углубленностью. Это касается России, Казахстана, Китая, Украины, Белоруссии и еще ряда стран. И, поскольку прогноз является тоже живым произведением, его нужно регулярно корректировать, уточнять и так далее. По России мы этим тоже занимаемся давно и точно – и видение будущего сложилось. Поэтому уже который год я с интересом смотрю, как жизнь соотносится с прогнозом, уточняю прогноз и радуюсь тем точным гипотезам, которые были сделаны ранее.

БИНЕВ: Скажите, пожалуйста, на какую отдаленность ваши прогнозы?

АГЕЕВ: 2080 год.

БИНЕВ: Вы можете сейчас – я не сказал бы, что в двух словах, в двух словах конечно этого не сделать – но вот, скажем, рассказать об этом прогнозе настолько, насколько вы способны сейчас это сделать?

АГЕЕВ: Как я сказал ранее, есть несколько важных массивов информации: информация о будущем, которая является неопределенной, мы не знаем будущего, есть информация текущая, которую мы мониторим, настоящая, – и есть, конечно же, прошлая, прошлая и в человеке, и в компании, и в стране – это очень существенная причина всего происходящего. Потому что в прошлом нарабатывается репертуар каких-то поведенческих форм, нарабатывается традиция, точнее набор традиций, нарабатывается опыт их сотрудничества, симбиоза или конфликта этих традиций – и, соответственно, то многообразное поле, которое мы называем нашей генетической памятью. Эта генетическая память, если ее посмотреть условно с высоты птичьего полета, предписывает нам определенные стереотипы. Хотим мы, не хотим – но эта история выдает некий образец поведения. Этот образец в смысле стратегическом дает нам то, что мы называем циклами. Любой живой организм, общество, живущее на определенной территории, некое население, ставшее или не ставшее народом, некие институты, которые оно выработало – все они имеют вот такие рисунки поведения. И в России длина этого квантованного времени равна примерно 80 годам. Для Китая это 60 лет.

БИНЕВ: Сколько для Китая?

АГЕЕВ: Для Китая – 60.

БИНЕВ: А почему для Китая – 60, а для России – 80?

АГЕЕВ: На этот срок влияет несколько переменных. Одна из них – это размер территории, это существенно, второе – это размер население, третье – это мощность социальной энергетики, ее можно измерять через валовый внутренний продукт. Но еще есть целый ряд показателей. Соответственно, вот из этих трех основных детерминант складывается такое следствие. Здесь даже имеет место скорее физика, социальная физика. Территория дает темп передвижения масс, товаров, людей, капиталов и так далее, размерность дает свои характерные черты, и, конечно же, имеет значение климат. Вот из этих вещей первоначально сложилась формула, она была применена на объектах меньшей размерности и большей размерности. И вот наше прошлое создало такой отрезок времени, точность плюс-минус пять процентов. То есть это очень высокая точность. По сути, это три поколения. Три поколения...

БИНЕВ: Сейчас вы говорите о России?

АГЕЕВ: Я говорю о России, да. Но подтекст вашего вопроса очень важен и интересен: что означает 80 и 60? Потому что в Европе крупные страны тоже имеют ритмику 60, 60 лет. Умножаем 80 на три – это 240 и делим на 60 – это четыре. То есть получается, что на длинных исторических интервалах Россия проходит три периода, а Европа – четыре, и это приводит к тому, что мы периодически отстаем от каких-то...

БИНЕВ: Опаздываем?

АГЕЕВ: Опаздываем. Этот запаздывающий тип эволюции, который обозначен во многих литературных источниках, в разных реминесценциях – это не что иное, как особенность нашей эволюции, и поэтому мы периодически вынуждены совершать рывок, догонять тех, кто убежал вперед. Мы догоняем, перегоняем, чтобы снова попасть в свою определенную волну. Я еще только оговорюсь – конечно, приходится в кратком комментарии сводить воедино достаточно сложные тексты, за которыми стоит аргументация, но здесь поверьте на слово: об этом можно говорить и долго, но я даю только, условно говоря, квинтэссенцию подхода.

И что означают эти 80 лет? Это означает повторяемость стратегических ситуаций, именно стратегических ситуаций. Это не циклы хозяйственной конъюнктуры, это не циклы смены элиты, это именно циклы стратегических ситуаций. Что для них общее? Для них общее – класс проблем, которые стоят перед страной, то же самое отставание. Во-вторых, это некие общие особенности социальной ситуации, нарастающая несправедливость и отклонение, скажем, боярства или прочих элит от, скажем так, народных нужд. То есть периодически возникает напряжение, сама система социоприродная напрягается. И это класс отношений и тип отношений с внешним миром. Мы же открытая система. Это большая или меньшая степень открытости и закрытости. Причем этот закон работает независимо от массы процессов, которые сейчас резко ускорили развитие, особенно за последний век. В этих наших прошлых отрезках содержится также множество архетипов поведения – тех привычек, нравов, если хотите, моделей, которые составляют нашу национальную память. И в ней не только та слегка упрощенная картина, что у нас был либерализм и был авторитаризм, — это очень просто. На самом деле у нас девять разных таких резервуаров поведения. И периодически через семейное воспитание, через школы, через вузы, через разного рода дискуссии всплывает то одна доминанта, то другая. Но все это есть в нашем историческом прошлом и в нашем сознании, в нашей генной памяти. И потом через деятельность разного рода трибунов, политиков, групп всевозможных мы вдруг видим, что слова – из эпохи Интернета, а в них просвечивает что-то похожее на НЭП, например, потому что проблема НЭПа и проблемы начала 2000-х годов странным образом похожи, аналогичны, по сути. И последнее, что здесь важно иметь в виду, в этих 80 годах внутри есть три поколения – это закон наследования социальной памяти трех поколений и наша интересная особенность, отличающая нас от Европы, – у нас трансляция опыта больше происходит от дедов к внукам, чем от отцов к детям. Интересная закономерность. Но еще более важно то, что в каждом 80-летнем отрезке мы сначала раскачиваемся, и это то, что называется «рыскание по траектории». Мы настойчиво, усердно, даже иногда яростно ищем национальную идею, рассыпаемся и теряем идентичность – не понимаем, кто мы: то ли белые, то ли правые, то ли историческая Россия, то ли будущая. Мы видим хаос в представлениях, пишем разные учебники, которые опять же показывают прошлое то с одной, то с другой стороны, не дают целостного представления о том, что страна целостная...

БИНЕВ: Такое непредсказуемое прошлое?

АГЕЕВ: Непредсказуемое прошлое, да. В первые 20 лет цикла это особенно заметно. Для нас эти первые 20 лет цикла – это есть не что иное, как 1998-й и 2018-й, плюс-минус пять процентов. Но этот период всегда кончается. То ли поколение 90-х годов это решит, то ли поколение нулевых годов, но реально одно из следующих поколений – как правило, через одно поколение – все эти споры прекращает и начинает понимать, что времени без идеологии и без мировоззрения быть не может. Кончается этот весь набор хаотический разброда и шатаний, и утверждается некая идея. Страна совершает рывок, определенной ценой, иногда кровавой, так бывало в истории, и совершает чудо. Поэтому в характеристиках нашей эволюции – чудо запрограммировано после примерно 2018 плюс-минус года.

БИНЕВ: Что такое чудо в вашем понимании?

АГЕЕВ: Чудо – это совершение страной рывка по всем параметрам, которые мы можем измерить. Это стремительное экономическое развитие, это стремительное социальное развитие и культурное развитие, это рост авторитета в мире и так далее. Это повышение безопасности и прочее.

БИНЕВ: Александр Иванович, вы знаете, вот 90-е годы, начало 90-х годов характерно было тем, что был такой серьезнейший демографический провал, когда средств существования у семьи не было, когда вдруг поняли, что плодить нищету – так, во всяком случае, ходили такие разговоры – смысла не имеет. Будущего нет, живем сегодняшним днем, копим средства, деньги – и становимся очень богатыми, и потом начинаем рожать детей. Во всяком случае, вот такое было в голове этого поколения, того поколения, которое могло произвести себе подобных. И этих подобных не произвели. Вот глубокий провал, ну просто вот пропасть такая как раз 1990 и 1991, 1992 и 1993-й годы. Это означает, что через 20 лет после этого в стране будет малое количество людей, скажем, молодых людей, которые способны были бы, допустим, служить в армии и в полиции, в силовых ведомствах и так далее. Однако же те, которые родились раньше и которые способны оказывать влияние на человеческую жизнь, будут продолжать это оказывать с такой же динамикой, с какой это было и всегда, а вот сопротивление со стороны государства и государственных органов, которые должны были быть пополнены именно этим поколением, которое должно было родиться с 1990 по 1993 год, будет отсутствовать практически или будет ослаблено. Такая ситуация не вносит каких-то поправок в ваши прогнозы на этот период, а вы говорите – в 2018 году может быть чудо, скачок? Что это за чудо и скачок, когда даже в армию призывать будет очень малое количество кого-то вообще?

АГЕЕВ: На большой картине всегда можно найти какую-то зазубрину. Давайте вспомним поколение 1923–1924 годов. Оно было сметено практически полностью. Из ста мужчин, родившихся в 1923–1924 годах, в 1945 году осталось только трое, 97 ушло. То есть вот то поколение, которое росло...

БИНЕВ: Конечно, да, а оставшиеся очень часто были инвалидами, вообще-то, – те, которые выжили.

АГЕЕВ: И из тех только три процента выжили, и из этих трех, соответственно, один-два были инвалидами.

БИНЕВ: Ну война. Война.

АГЕЕВ: Поколение, соответственно, родившееся раньше, – там были свои ситуации, то есть мы потеряли под 30 миллионов человек. Тем не менее, если вы посмотрите на динамику, что у нас было сделано, – мы пика за всю историю России, пика своего, своей силы, достигли к августу 1945 года. Представляете, какой парадокс? При потере в 30 миллионов.

БИНЕВ: Я не буду с вами спорить по этому поводу, потому что я здесь абсолютно ничего не понимаю, в таких вещах. Но тем не менее логика подсказывает мне, что пик был достигнут не за счет молодых людей, которые погибли во время войны и которые практически, хотим мы это признавать или нет, были, в общем-то, пушечным мясом, потому что им деваться было некуда. Это были солдаты, они должны были воевать и воевали количеством чаще, чем качеством, и этим количеством, в общем-то, и победили. Ну побеждали, конечно, и качественными операциями, но те, которые проводили вот эти качественные операции, а не количественно своим составом, и те, которые были подготовлены к этой войне внутренне, и те, которые после войны занимались восстановлением хозяйства, – это не поколение вот то, о котором вы говорите – 1923–1925 год рождения. Это поколение 1905 года рождения, 1912 года рождения, 1915 года рождения и те, которые потом родились, позже, которые, в общем-то, поддержали уже все изменения – те, что добилось вот это поколение людей, которые выжили. Это же поправка серьезная.

АГЕЕВ: Знаете, здесь верно то, что мы сейчас переживаем очень глубокий и очень долгосрочный демографический кризис – это правда. И шансы его поправить, то есть гармонизировать соотношение всех когорт населения... Соотношение между мужчинами и женщинами, между смертностью мужской и женской у нас же тоже трагическое, мы теряем в определенном возрасте мужчин три четверти из ста. Три четверти мужчин – это потери страны, ведущей войну, хотя мы вроде находимся в мирных условиях. Это все правда. Правда, что количество детей у нас уменьшилось, вообще, в два раза сейчас. Мы это видим и по первым курсам, и по выпускникам, и так далее – все это правда. Шанс это исправить появляется у нас не раньше 2060 года – это правда жизни, но правдой является и то, что большой народ находит, как и любой человек, способы компенсировать свои слабости. Чем он компенсирует? Если слишком много людей, он компенсирует это экономикой, которая основана избыточно на живом труде, потому что тогда возникает некое перенаселение, и оно, кстати говоря, нас привело к катастрофе 1917 и далее годов. Именно аграрное перенаселение.

БИНЕВ: Однако, Александр Иванович, перед этим вы, простите, я вас остановлю на секундочку, перед этим была война в 1905 году с Японией, где были потери большие, но просто огромнейшие потери были во время Первой Мировой войны и Гражданской войны, они соизмеримы по количеству погибших со Второй Мировой войной, когда Россия, Советский Союз тогда потерял там более 25 миллионов человек, там споры идут, вообще, даже до 30 миллионов и более того. То есть не все цифры проверены, уточнены.

АГЕЕВ: Сейчас официальная цифра – 27 миллионов.

БИНЕВ: Двадцать семь миллионов, да, но не все уточнены еще. Это официальная цифра. Она, как правило, не имеет поправки на латентность. То есть погиб, но не был где-то записан, где-то не был отмечен и так далее, и это могло быть несколько миллионов человек. Это очень много – несколько миллионов человек. Так вот я хочу вас спросить: почему вы говорите, что перенаселение, густое население перед 1917 годом, что вот это повлияло, что как бы тесно стало людям, – аграрное население, так сказать, малообразованное?

АГЕЕВ: Я и говорил – аграрное перенаселение.

БИНЕВ: Перенаселение?

АГЕЕВ: Я поясню, потому что это очень важно...

БИНЕВ: Ведь наоборот – не хватало рабочих рук?

АГЕЕВ: Это очень распространенное и глубоко укоренившееся заблуждение о том, что у России огромная территория и поэтому у нас очень мало людей. Об этом писали практически все наши классики, ученые и экономисты. Но как была устроена вообще наша страна? Это помещичье землевладение, это почти половина крестьян крепостные. Другие не были крепостными: либо они были казаками свободными, вольными, либо они были государственными крестьянами, то есть есть нюансы. Почему было много детей в России конца XIX века, даже после освобождения в 1861 году? Надел зависел от количества едоков мужского рода.

БИНЕВ: Да, и стремились рожать, чтобы получить больше земли.

АГЕЕВ: И в итоге, когда Дмитрий Иванович Менделеев начал заниматься вместе с коллегами программой индустриализации, он имел в виду два существенных мотива. Мотив первый – это позволить этим избыткам... Избыткам – это в экономическом смысле, и не только в экономическом, но и физическим, – то есть негде было сыновьям многим работать на земле. На шести сотках и то есть, где повернуться, а иногда это было несколько метров. То есть была реальная плотность, особенно в европейской части. Поэтому не случайно Столыпин проводил программу переселения людей в Сибирь, где было больше места, – но смог сделать только для двух миллионов человек, а все остальное, более ста миллионов, – это все было здесь. Причем за период до 1917 года мы получили увеличение населения на 30 миллионов, и это всё было в Центральной России. Было именно тесно в экономическом смысле. И Менделеев еще в конце XIX века прекрасно понимал, что это население нужно откачать, позволить ему уйти в город, где будут построены в надлежащем количестве мануфактуры, индустрии, и так далее, и так далее. Это было неизбежно – и урбанизация, и индустриализация. А также Дмитрий Иванович понимал, что если будет параллельно развиваться система образования, то этот вольный дух, дух либеральный, он приведет к краху страну, потому что интеллигента, оторвав от корней, нужно было занять чем-то позитивным, чем-то конструктивным и каким образом это сделать? Это предельно практическая политика. Это цены, занижение цен на аграрную продукцию и завышение на соответственно трактор, плуг и все остальное.

БИНЕВ: На промышленную продукцию?

АГЕЕВ: Это диспаритет, который был и во время сталинской индустриализации. Но это было и при Дмитрие Ивановиче Менделееве. Александр Третий его спрашивал: «А это не приведет к социальному взрыву? Ведь люди не могут не чувствовать этого искусственного занижения?» То есть рынок бы, наверное, поднимал по-другому эти все цены и опускал, но тогда решили, что пронесет. И вот первая фраза, которую сказал Дмитрий Иванович, когда ординарец принес ему информацию, что началась война с Японией. Он, опустив руки, сказал: «Не пронесло», – то есть не проскочили. Не проскочили. Девять приходилось детей на одно семейство в начале XX века. Соответственно, после Второй мировой, Великой Отечественной, у нас уже чуть больше трех, а сейчас – полтора человека. То есть мы за 100 лет реально в шесть раз сократили

продуктивность. Я не говорю уже о том, что не все женщины уже способны рожать, не все женщины способны рожать детей здоровых, по здоровью мы имеем страшные цифры, и не случайно их Минздрав до сих пор засекречивает. То есть дети рождаются не на десятку – соответственно, такая беда есть. Но я вернусь к оптимистическому тезису о том, что народ всегда способен найти способы компенсации, и если сейчас у нас не хватает людей – значит, будем заменять их роботами. Когда одного китайского руководителя спросили недавно – собственно, а кто будет в Арктике через 50 лет, он ответил: русские и роботы. То есть дефицит людей, есть он или нет, если у нас безработица несколько процентов, если у нас мигранты замещают все не очень квалифицированные рабочие места – то есть ведь и другой подход: не хватит людей для экономического подъема – значит, пригласим мигрантов. Но мигранты тоже не могут приехать в бесконечном количестве, их не воспримет среда. Можете квоты дать – среда не воспримет: на каком-то этапе это кончится социальным взрывом.

БИНЕВ: Социальном взрывом. Что и было в прошлом году, да?

АГЕЕВ: Что мы видим периодически.

БИНЕВ: В прошлом году это было, да.

АГЕЕВ: Это все булькает и бабахает, соответственно. Поэтому что еще дает такой оптимизм – это десять процентов. Десять процентов – это количество так называемых жизнестойких детей. Независимо от того, сколько мы потеряли в войне Великой Отечественной, в Первой Мировой, после чумы, голода, тифа, холеры и Гражданской войны – там не только потери были боевые, были потери именно вот такие, из-за серьезных эпидемий, голода, наконец.

БИНЕВ: Испанка, например, да?

АГЕЕВ: Испанка – это серьезно. Поэтому многое ведь затушевано в статистике, хотя...

БИНЕВ: Тиф, испанка, очень много чего было.

АГЕЕВ: Хотя и воевали, конечно.

БИНЕВ: Чума, да.

АГЕЕВ: Для интереса – ведь у нас было, например, в действующей армии 100 тысяч представителей казачества донского, и погибло их за период войны две тысячи с небольшим. По сути, казаки были спецназом той армии, и практически все части, за исключением одной, вернулись при оружии, при флагах соответствующих, и потери были еще раненые, и искалеченные тоже, еще несколько тысяч, но это очень низкие потери. И практически все это было уничтожено, сгорело в ходе Гражданской войны, когда Дон был, то красным, то белым, то красно-белым, соответственно, и это все менялось...

БИНЕВ: И не только Дон, но и Кубань, и Урал, и везде, где было казачество.

АГЕЕВ: И Кубань, и все, везде, где казачество, да.

БИНЕВ: Яицкое казачество и так далее.

АГЕЕВ: Поэтому, несмотря на эти потери, всегда почему-то у нас есть такая, знаете, константа, как температура тела – она всегда все-таки 36 и 6, иногда периодически вверх-вниз. Но для социального организма есть всегда эти десять процентов жизнестойких детей. Посмотрите сейчас, можно обнаружить в любом классе массу проблем, увлечение Интернетом, курение, табак и так далее, и так далее, но почему-то у нас в любом классе все равно находится один, два, три, четыре совершенно светлых человека. Когда мы видим большие эпохальные события, то к ним лучшее отношение с позиции трех правд – не красные имеют приоритет на правду, не белые имеют приоритет на правду, а есть и у красных своя правда и неправда, у белых есть своя правда и неправда, у анархистов своя правда и неправда, и так далее. И у нас, ныне все это осматривающих, тоже, очевидно, есть своя правда нашего времени, своя неправда и нечто, которое стоит над всем этим, над всем этим боем, то есть некая метапозиция. В жизни каждого ныне живущего человека есть очень серьезное родословное наследие. И в этом наследии практически в каждой семье мы найдем коренящиеся и в белом ареале, и в красном ареале, и еще что-то такое, которое в других цветах коренится. Поэтому, только в себе синтезируя этот весь опыт, мы можем понять мудрость и сложность этой жизни.

БИНЕВ: Скажите, пожалуйста... Я по образованию историк, и я знаю, что нас всегда учили на факультете, что аналогии в истории не допускаются, что все исторические аналогии, в общем-то, от лукавого. Я честно вам скажу, я с этим никогда не был согласен, но я недостаточно авторитетный человек в области истории для того, чтобы заявлять о своем согласии или несогласии. Тем не менее я смотрю, что вы прогнозируете период там на восемь лет вперед и определенно обращаетесь к аналогии. Я убежден, что, скажем, история сына может повторить и историю отца, и историю деда и прадеда. То есть отец там вел себя этак, там развелся, женился, родил тут детей, туда сбежал, туда уехал, запил, бросил, и прочее, и прочее. И сын, осуждая такое поведение отца или деда, тем не менее хочет не хочет, но повторяет практически до определенной точности те же самые шаги и жизнь – в общем-то, заканчивается так же. Был там дед маршалом, сын стал по крайней мере генералом, внук стал, может быть, тоже маршалом. Был дед ефрейтором, и сын, так сказать, может стать рядовым или там, я не знаю, ефрейтором, сержантом при самом счастливом стечении обстоятельств. То есть каждый повторяет...

АГЕЕВ: А может быть отец сапожником – а сын стал генсеком.

БИНЕВ: Это уже исключение, особенно в нашей стране, насчет генсеков.

АГЕЕВ: Вакансий генсеков меньше, да?

БИНЕВ: Да, вакансий меньше, и после сапожника генсеками становятся, в общем-то, не в самых цивилизованных странах. Скажите мне, пожалуйста: в ваших исследованиях вы признаете приоритет аналогии в истории – или же вы аналогиями не пользуетесь?

АГЕЕВ: Это давняя философская тема относительно общего, особенного и уникального. Фамилии могут отличаться, могут отличаться интерьеры, даже, наверное, движение облаков в момент времени – но когда вы берете медицинскую энциклопедию, то вы находите некие характеристики заболевания, оно не зависит от имени, фамилии и отчества, оно поражает некий организм с точностью в своей топологии и в своей сущности. Поэтому стратегические ситуации – это уровень, который находится чуть выше, чем историческая эмпирика, и поэтому мы найдем, что определенные вызовы – то есть определенные стратегические проблемы мы называем «стратегические вызовы» – они повторяются, они существуют, они фонят очень долго. Это нельзя назвать в таком

примитивном смысле слова «анalogии», но мы видим общее в рисунке поведения социальной системы и действующих лиц, фамилии которых, характер и темперамент могут отличаться. Декабристы пытались решить эту проблему...

БИНЕВ: А может и совпадать?

АГЕЕВ: А может совпадать с фантастической точностью. И мы обнаружим, что проблемы, которые решались при индустриализации 1929 года и 1889, проблемы времен Дмитрия Ивановича Менделеева, – почему-то они совпадают.

БИНЕВ: Вы говорили о НЭПе, который был в 1925–1924 году...

АГЕЕВ: Здесь аналогичность...

БИНЕВ: И то, что в 1991 и в 1993 году было у нас.

АГЕЕВ: В процессах приватизации, в процессах обуржуазивания, и в том числе таких тонких вещах как статус муниципального управления. Фантастическая точность! Берете в музее документы... Я брал, смотрел: один к одному, все эти хозяйственные споры, склоки, отношение к выскочкам и так далее – одно и то же. Но эти выводы были сделаны не по методу аналогии. А вообще, первый шаг был очень интересен. В жизни народа есть некий набор государствообразующих событий, многие из них отмечены указами монархов, генсеков, президентов, многие не отмечены, но это очень объективные вещи.

АГЕЕВ: В жизни народа есть некий набор государствообразующих событий. Победа 9 мая – это государствообразующее событие, системное событие, 1917 год, и февраль, и октябрь – это системообразующие события. Поражение в Крымской войне или в Японской – это тоже системообразующие события. И вот таких событий у нас оказалось 70. Многие из них отмечены указами монархов, генсеков, президентов, многие не отмечены, многие отражены в памятниках, многие не отражены в памятниках, но это очень объективные вещи. Например, показатель ВВП может быть отчасти нарисован, в нем возможны какие-то статистические искажения, но что является самым точным, например, для измерения реальной динамики экономики? Потребление электричества – трудно обмануть точные счетчики и количество грузоперевозок – точный измеритель. Вы можете нарисовать картину преступности и ее приукрасить или, наоборот, сделать помрачнее, но количество убийств – это жесткая характеристика, это документ строгой отчетности. То же самое с рождаемостью и смертностью. И поэтому, если опираться в своих исследованиях на жесткие физические моменты и процессы, они могут не содержать детали тонкости рисунка соответствующего сюжета в истории, но когда вы смотрите с точки зрения проблематизации, там вы находите общие закономерности.

БИНЕВ: В подтверждение, в поддержку того, что вы сказали, я бы вам предложил одну мысль, которую, может быть, вы бы захотели развить. Скажем, русский человек, изучая собственную историю и давая оценку нынешнему руководству его страны, – он же не сравнивает его, это руководство, скажем, с Александром Македонским, или с Юлием Цезарем, или, скажем, с Наполеоном. Он сразу вспоминает, что у него в истории был Иван Грозный, Петр Великий, Екатерина Великая, Сталин. И вот он говорит: вот тогда поступали вот так-то и ныне поступают так же. То есть, таким образом, каждый народ, каждая нация – она так же, как и те же самые французы и англичане. Они тоже не обращаются к аналогиям прошлого из других категорий, из других стран, других национальностей и других царей, императоров и так далее, они говорят только о своих

собственных. Это говорит о том, что мы просто очень узко смотрим на мир. Либо это действительно свойство любого народа – развиваться только по той линии, по которой всегда развивался его народ, и бесполезны любые попытки перейти из одной системы отношений в другую систему отношений.

АГЕЕВ: Вы подняли тему импорта институтов. Институт – это не что иное, как правила, по которым живут люди. И наличие этих правил или их отсутствие значимо. Мы не только импортируем из своего прошлого – вот настал момент и вдруг актуализировали. Посмотрите на кабинет Бориса Николаевича Ельцина, какая фигура там появилась, – Петра Первого. Он решил что именно Петр Первый для него является образцом, хотя он, конечно же, не имеет в виду, что все черты его деятельности ему симпатичны. Он же не захотел треть народа положить, например. Посмотрите любой миф древний – и в нем вы найдете такого героя-Меркурия. Статуэткой Меркурия сейчас каждый год награждают выдающихся, по мнению комиссии, бизнесменов. Для тех, кто дает, – это знак признания каких-то предпринимательских достоинств, для тех, кто получает, – то же самое. Как только вы открываете страницы «Мифы народов мира», вы обнаружите, что он не только выдающийся бизнесмен, этот самый Гермес или Меркурий, а еще окажется, что он мошенник, обманщик, то есть вы в мифе получаете и черное, и белое. Поэтому в любой исторической фигуре есть и то и другое, когда сложность бытия – плюс и минус. Но в зависимости от потребностей сегодняшнего дня, от политической риторики, от политических забот, естественно, создается некая система аргументации в пользу тех или иных движений. Мы в этом плане отличаемся высокой степенью обезьянничанья, заметьте. Мы на кого стараемся походить? Сначала на Пиночета – это было модно в 1992–1993 году, на аргентинцев, которые провели быстро реформу приватизации. Потом нам стал интересен Рузвельт. Потом мы брали пример, естественно, с поляков, с их приватизацией. Потом мы вспомнили про реформы Эрхарда – это было не что иное, как импорт иных, иноземных институтов. Мы полностью заместили прежние подходы, и они потеряли свою ценность. И долгое время даже упоминания о советском опыте были неприличными. Слово «стратегия» и «инновации» в 1999 году были неприличными, а сейчас они стали очень популярным и даже престижным новоязом. Здесь сложная картина...

БИНЕВ: То есть смотри себе... смотри назад – то, что находится за твоим затылком, а не за затылком твоего, скажем, партнера. Как было у англичан, как было у немцев, как было у французов, у американцев, у японцев, у китайцев – это не важно для нас: главное – как было у нас.

АГЕЕВ: У нас стало общепринятым все-таки апеллировать именно к иноземным образцам. Почему в Швеции такой социализм...

БИНЕВ: А это справедливо?

АГЕЕВ: Это есть не что иное, как логическая уловка и манипулирование сюжетами. То есть с точки зрения корректности суждений это, конечно, безобразие.

БИНЕВ: То есть это игнорирование психологии нации, скажем так?

АГЕЕВ: Наоборот, это программирование психологии нации негодными средствами.

БИНЕВ: Ну да, но и игнорирование собственной психологии?

АГЕЕВ: Не сотвори себе кумира. Отдавая дань прошлому, здесь важно не попасть в это рабство упоения личностью, особенно поверхностного знания о той или иной фигуре и в нашей истории. Возьмите: с одной стороны, демонизировали Ивана Грозного. Ведь его не сравнивают с другими не менее тираническими фигурами в Европе, то же самое касается Сталина, то же самое касается Ленина, Николая Александровича. То есть любой персонаж, лидер, – на лидера мы всегда смотрим, такая у нас тоже особенность есть культурная, – но мы не всегда эту сложность оцениваем, мы совершаем банальнейшую логическую уловку, когда апеллируем к личности, когда апеллируем к авторитету, не разбираясь в сути дела.

БИНЕВ: Ну вот разница в лидерах, о которых вы сказали, большая. Потому что, скажем, самодержцы, которые правили Россией, о которых вы говорили, – это все были лидеры законные, потому что они наследовали право управлять страной по праву рождения. Другие, которые следовали за ними, – это уже были частично избранные, частично те, кто захватили власть. И те, которые будут впереди, – это тоже ведь неизвестно, это же не люди одной фамилии, одного рода. Это, как правило, люди, которые проявили наибольшую динамичность в своем развитии и сумели овладеть властью. Вот вы учитываете эту разницу, когда прогнозируете будущее, если, конечно, исследуете прошлое, прежде чем прогнозировать будущее?

АГЕЕВ: Мы не прогнозируем будущее. Вообще, мы прогнозируем определенные аспекты или определенные системы. Эти вопросы покрываются фактором, который мы называем «управление», «система государственного управления». То есть он звучит суше, но, как правило, сценарии эволюции системы управления тоже имеют свои ограничения. И, например, по России у нас тоже ведь есть сценарное понимание. Понимание, когда, например, конкурентная демократия станет популярной у нас и до какого времени – например, у нас будет скорее слегка квазиоднопартийная система – это понимание тоже есть.

БИНЕВ: В таком случае давайте вернемся к тому, с чего мы начали. Мы все-таки не дали ответ. Вот с 18 года нашего столетия до 80 года – ваше предсказание, ваш прогноз, что произойдет с нами, что за скачок, о котором вы говорили в первой нашей программе – вы же вначале говорили об отставании, – что это за скачок, если такое отставание, о котором вы говорили? И что нас ожидает, скажем, по вашему исследованию в 2080 году? Мы, те, кто здесь находится, не сможем этого проверить, но будущие поколения будут это знать.

АГЕЕВ: Я бы не был так пессимистичен. Возможно, нам придется ответить за эти слова после 2080 года, но я имел в виду 2018 год. Потому что в 2080 году все начнется сначала, и этот кризис 2080 года, плюс-минус, будет серьезно похож на кризис 1998 года, а также 2018. То есть это будет следующая развилка, когда страну будет волновать период турбулентности, это начнется в 2080 году. Сейчас это неактуально. Я говорил о том, что примерно в 2018 году, плюс-минус, мы ощутим явное изменение состояния, которое у нас последние 20 лет. Именно 20. Я беру не 1991–1998, а 1998 и 2018 годы. Потому что та система, тот стратегический цикл закончился не в 1991, а в 1998 году, такие здесь нюансы есть. Мы обречены на очень серьезный прорыв. Собственно, мы находимся отчасти в нем. Еще лет восемь назад сама идея евразийской интеграции многим казалась нереальной, а 20 лет назад, когда президент Назарбаев бился за эту Евразийскую интеграцию, он вообще многим казался романтиком. И вдруг стремительно последние два-три года мы ощущаем этот процесс. Он реальный, опирается на огромные инновации в нормативной системе, меняются и правовые условия, рынки, открываются границы – это серьезные процессы. Общество еще не очень их замечает, как ни странно. Что может быть такого рода

прорывным в ближайшие годы? Новая индустриализация, мы ее ощутим вдруг. Если мы появимся, например, в Казахстане, то увидим город Астану, его не было еще 15 лет назад. Он появился.

БИНЕВ: Я видел на этом месте город Целиноград и был там. Я помню это.

АГЕЕВ: Да, Целиноград. А теперь современнейший город мирового класса.

БИНЕВ: Да, огромный мегаполис.

АГЕЕВ: Мы увидим, как появятся у нас десятки сначала, потом сотни новых предприятий. Они не будут такие огромными, как какой-нибудь Уралмаш, но они будут другими, это мы увидим. Увидим, как наконец прекратятся многие ненужные и бессмысленные, глупые споры. Вдруг увидим, что обретут значения какие-то смыслы, цели. Вот сейчас я могу показаться романтиком, но это все будет.

БИНЕВ: В 2018 году?

АГЕЕВ: Раньше 2018 года. Потому что 2018 – это уже рубеж, это уже состоится явление. Начало мы увидим с 2015 года, то есть созревание этого нового качества. Если посмотреть, что я говорил, скажем, десять лет назад – а я ни от одного слова не отказываюсь, – мы увидим, что сработало очень многое.

БИНЕВ: Ну что ж, в таком случае будем живы – не помрем. С этим, по-моему, ни один Институт стратегических исследований поспорить не может, да?

АГЕЕВ: Я бы все-таки хотел оставить ощущение не только такого, знаете ли, румяного оптимизма. Но мы должны понимать, что вызовы, которые вообще перед всем миром стоят, очень серьезные, и важнейший из них – это вызов человечности. Нас стремительно начинают со всех сторон обхватывать разного рода роботы, многие из них полезные, многие из них страшные. И эта киборгизация будет нарастать, в том числе сети всевозможные, виртуализация жизни. Нас будут, безусловно, обхватывать такие вопросы, как органическое продовольствие или виртуальное ядовитое продовольствие. У нас будет борьба в ноосфере, много всего интересного, страшного, непривычного. Нас будет обхватывать революция транспарентности, прозрачности, мы ощутим себя полностью прозрачными. И начнется контрреволюция закрытия этой прозрачности, нам захочется в своей норке укрыться, чтобы никакой нас Скайп не видел. Мы увидим просто огромное нарастание разных рисков, в том числе и таких примитивных и простых, но абсолютно жизненно важных, как продовольствие, вода, электричество, энергетика. Это все будет. Почему, несмотря на это, я все-таки исповедую оптимистическую установку? Потому что чем больше проблем для нашего народа, тем мы себя достойнее ведем. Более того: пока нам не дали пинка под зад, ведь мы до Москвы откатимся. Москву сначала спалим, а потом начнем наступление – и освободим всю Европу. Нам нужно опять же дойти до Москвы, до Сталинграда, чтобы потом взять Берлин, – и это тоже особенность нашей исторической эволюции. Но сейчас, мне кажется, пинка мы себе и сами надавали – и вот этот период отступления, заманивания некоего противника. А противник в нас самих находится, в нашем малодушии, в нашем безверии, в нашей лени и в нашем унынии, но, собственно говоря, отступать-то уже дальше некуда. И мы уже в этом году, в 2014, живем в этом ощущении – все, унывать хватит, хватит себя оплевывать, считать себя нацией, проигравшей все. Наступает время побед – сначала маленьких, потом нашей большой исторической победы.

БИНЕВ: Я вот слушаю вас – и сразу мне приходит на память тот самый анекдот очень короткий: пессимист говорит: «Хуже некуда», – а оптимист улыбается и говорит: «Есть, есть куда хуже». Вот наш с вами разговор приблизительно об этом.

Ну вот, моим собеседником был величайший оптимист нашего времени, генеральный директор Института экономических стратегий Российской академии наук, доктор экономических наук, член Экономического совета при президенте России, профессор Александр Иванович Агеев. Александр Иванович, спасибо!

АГЕЕВ: Спасибо, всего доброго!

БИНЕВ: В эфире была программа «Вольный слушатель» и ее ведущий Андрей Бинев.